

Леонид Люкс

Уязвленная держава: Россия после Крымской войны и после распада Советского Союза – сравнительная зарисовка

После распада Советского Союза Россия превратилась в оскорбленного колосса, стремящегося к восстановлению своей пошатнувшейся позиции великой державы. В этом положение России напоминает ситуацию, сложившуюся в Германии после Первой Мировой войны, в связи с чем в отношении России в последнее время часто говорится о «веймарском синдроме». Но и в истории самой России уже были периоды, когда страна, подобно Веймарской Республике вела себя, как великая держава с ущемленным самолюбием, и в первую очередь это можно отнести к периоду после Крымской войны (1853-1856).

Смена парадигм: новые акценты в российской внешней политике после Крымской войны и падения Советского Союза

Внутри- и внешнеполитическое положение России в 1856 и 1991 годах разительно отличаются друг от друга. Так, в 1856 году не было ни распада империи, ни смены социально-экономической и политической систем. Но несмотря на это, можно констатировать определенные сходства в поведении политических элит России в оба вышеуказанных периода, которые указывают на то, что в истории России, наряду с разрывами, можно наблюдать и определенную преемственность.

После распада СССР многие российские авторы неоднократно цитировали слова царского министра иностранных дел Горчакова, которые тот сформулировал вскоре после поражения России в Крымской войне: «Россия сосредоточивается». Этим они хотели подчеркнуть, что шоковое состояние в которое впала Россия после потери империи и доминирующего положения в Восточной Европе не продлится долго. Раньше или позже она снова вернется на политическую сцену в качестве великой державы, как это было и после Крымской войны.

Внешняя политика прекратившего свое существование в 1991 году Советского Союза была идеологизирована подобно политике царской империи перед Крымской войной. СССР представлял собой идеократию, которая воплощала принципы пролетарского интернационализма и карала так называемые контрреволюци-

онные силы внутри, а также за пределами Советского Союза: в ГДР (1953), Венгрии (1956) или Чехословакии (1968).

Также и царская империя в первой половине XIX века служила наднациональным идеям – а именно «легитимистским принципам» – и пыталась подавлять отвергавшие эти принципы движения не только в России, но и вне ее границ, например, в Венгрии или Дунайских княжествах.

После поражения в Крымской войне российское руководство считало эту политику вмешательства губительной. Например, как следствие этой политики в 1849 году Россия подавила венгерское восстание и спасла тем самым от гибели Габсбургскую империю – своего будущего внешнеполитического противника. Уже упомянутый Горчаков заявил, что солидаризация с другими легитимистскими державами, в первую очередь, с Австрией, сделала Россию ненавидимой во всей Европе. Россия должна отказаться от роли европейского жандарма и защищать исключительно свои национальные интересы.

Подобную аргументацию приводили и многие российские политики после распада Советского Союза. Солидаризация с «социалистическими братскими странами» вовлекла Россию в множество абсолютно не нужных ей конфликтов во всем мире и сделала страну объектом ненависти многих народов. С этого момента Россия должна заботиться только о своих собственных интересах.

Поляризирующее действие реформ

Это сосредоточение на собственных интересах как в царской империи после Крымской войны, так и в постсоветской России было тесно связано с грандиозными внутривнутриполитическими реформами.

После проигранной Крымской войны Россия пережила своеобразную революцию сверху, которая напоминала петровские реформы начала восемнадцатого века и которую можно назвать второй европеизацией России. Было отменено крепостное право, значительно ослаблена цензура, а судебная реформа 1864 года создавшая независимые суды, укоренила в стране первые зачатки принципа разделения властей. Многие требования, которые предъявлялись поколениями критиков самодержавия, выполнялись одно за другим.

Еще более радикальные реформы проходили в России после свержения коммунистического режима. После семи десятилетий идеологической диктатуры, плановой экономики и большевистского единовластия, начался тернистый путь России к открытому обществу, постепенное возвращение оторванной от Запада с Октября 1917 года страны в Европу.

В обоих случаях реформы поляризовали общество, хотя и различным образом. В эпоху Александра II наибольшая опасность для реформ исходила от нетерпеливых утопистов, для которых кардинальные изменения, начавшиеся после всту-

пления Александра II на престол, были недостаточно радикальными. Они были заинтересованы не в реформировании уже существующей системы, а в ее разрушении.

В постсоветской России, напротив, начатые после августа 1991 года реформы подвергались опасности со стороны совершенно других сил, нежели это было во времена Александра II: не со стороны утопистов, добивавшихся создания небывалого в истории общества всеобщего равенства и социальной справедливости, а со стороны лишившихся власти элит, стремящихся к реваншу за свое поражение в 1991 году.

Междоусобные споры реформаторов

Угроза реформационному процессу обеих эпох исходила не только от воинствующих противников обновления, но и от внутренних разногласий в самих реформаторских лагерях. Эти противоречия касались не в последнюю очередь национального вопроса, который в многонациональном государстве как ранее, так и сейчас имел и имеет первостепенное значение.

В обоих случаях в начале реформаторского процесса отмечалась либерализация в этой области. Так, после вступления на престол Александра II, были аннулированы многие антиеврейские законы, одновременно с этим в Польше было упразднено чрезвычайное положение, введенное после подавления ноябрьского восстания 1830/31гг.

В постсоветской России произошло преобразование страны из псевдофедерации в действительно федеративное государство. Федеративный договор 1992 года предоставил, в первую очередь, национальным республикам Российской Федерации значительные автономные права, о которых они ни в царские, ни в советские времена не могли и мечтать.

Но для некоторых наций уступки центра, как первой, так и второй эпохи, были недостаточны. Даже широчайшая автономия внутри российского государства их не удовлетворяла, так как они стремились к полной независимости. В эпоху Александра II это в первую очередь касалось Польши, в постсоветской России – Чечни.

Подавление польской и чеченской освободительных войн русскими вооруженными силами подорвало в обе эпохи доверие к проводимым процессам реформ и раскололо лагерь реформаторов.

Александр Герцен, эмигрировавший в николаевскую эпоху из России, вначале, «с другого берега», горячо приветствовал реформы Александра II. Но после того как в январе 1863 года вспыхнуло польское восстание он писал: «Действительно ли суждено этому правительству, которое без труда могло бы быть мягким и человечным, опускаться все ниже и ниже и мараить себя кровью?». Также разочаро-

ванно звучало обращение председателя партии Демократический выбор России, Егора Гайдара, к Борису Ельцину, когда тот начал вооруженную операцию в Чечне в декабре 1994: «Захват Грозного будет ударом по демократическому прогрессу, по всему, что было достигнуто за последние годы».

Возврат к российскому «особому пути»

Вместе с тем, конфронтация с мятежными провинциями усилила, как в эпоху Александра II, так и в ельцинский период националистические настроения среди имперской нации, включая и сами реформаторские лагеря. Готовность идти на дальнейшие уступки внутренним и внешним соперникам существенно уменьшалась, а критика Запада, который поддерживал сепаратистские стремления Польши и позднее Чечни, усиливалась. Показательным был, например, опубликованный в 1869 году труд ранее либерально настроенного русского историка культуры Николая Данилевского «Россия и Европа».

Многие считают Данилевского предшественником Освальда Шпенглера, приводя в качестве иллюстрации разработанную Данилевским теорию биологического возраста культур, которые, после завершения определенного цикла, сходят с исторической сцены. Романо-германская культура, согласно учению Данилевского находилась уже в стадии распада, а чуждая ей славянская культура – наоборот, в стадии подъема. Антирусские настроения на Западе Данилевский рассматривал в первую очередь как следствие культурологических различий между Западом и Востоком. С полнейшей уверенностью в правоте своей державы он описывал расширение российской империи за последние столетия, придав этому расширению совсем иное качество, нежели завоевания западных государств.

Также и в постсоветской России российские демократы, которые до августа 1991 года были яркими сторонниками «возвращения России в Европу», начали ссылаться на русский особый путь, в то время как прозападно ориентированные круги упрекались в беспредельной уступчивости по отношению к непосредственным соседям России. Так, политический советник российского президента, Сергей Станкевич, заявлял в середине 1992: «Наши соседи зачастую рассматривают Россию не как государство, а как грудку, своего рода реликт, от которого можно отрезать ту или иную часть».

Такие понятия, как «национальная гордость» или «национальные интересы» являются для Запада вполне естественными, добавил к этому председатель Комитета иностранных дел Верховного Совета, Евгений Амбарцумов. Почему же они не могут иметь силу и в России?

Таким образом, почти все политические лагеря России как после Крымской войны, так и после проигранной Москвой «холодной войны», чувствовали себя

униженными Западом и стремились к восстановлению статуса великой державы для страны.

Возвращение на мировую арену

В первом рассматриваемом нами случае, это удалось уже спустя 14 лет после Парижского мира 1856 года, который завершил поражение России в Крымской войне. Вторая Французская империя, которая представляла собой главную опору установленного в 1856 году нового европейского порядка, потерпела в немецко-французской войне сокрушительное поражение. Уже в конце октября 1870 – то есть каких-то два месяца после битвы при Седане, ознаменовавшей крушение наполеоновской империи, Горчаков объявил, что Россия не считает себя связанной решением, принятым Парижским договором, о нейтрализации Черного моря. Этим соглашением Россия обязывалась разрушить свои укрепления на черноморском побережье. С этого момента царская империя снова стала полноправным членом «европейского концерта держав». К коренному пересмотру существовавшего европейского порядка стремилась теперь уже не Россия, а Франция.

Иначе ситуация складывается в сегодняшней постсоветской России. Московское руководство упрекает Запад в том, что там не отдается должное российским национальным интересам. В первую очередь Россия предъявляет претензии США в нежелании признать ее как равноправную великую державу. Расширение НАТО на Восток, военная интервенция в Югославии и признание независимости Косово приводятся в качестве примеров западного самоуправства. Признав независимость взбунтовавшихся грузинских провинций Абхазии и Южной Осетии после окончания пятидневной русско-грузинской войны, руководство Кремля, очевидно, имело целью представить доказательство того, что Россия возвращается на политическую арену как «великая держава» и «суверенная демократия». Решительный образ действий Москвы напоминает подобное односторонне принятое решение петербургского правительства в октябре 1870 года об аннулировании т.н. «Понтус»-пункта касающегося Черного моря.

Новые вызовы после окончания «холодной войны»

Сравнивая два этих политических акта, нельзя оставить без внимания основополагающие различия между этими двумя ситуациями. В 1870 году европейцы видели в национальном государстве венец творения, и защита национальных интересов воспринималась ими как священная обязанность державы. В этом духе то-

гда действовала не только Россия, но и Германия, Франция, Италия и другие европейские государства. Подобный образ мышления превратил Европу в пороховую бочку, которая не замедлила взорваться в первый раз в 1914 году и второй раз в 1939. И только после опустошительных опытов обеих мировых войн в Европе произошла смена парадигм, которая привела к развенчанию безраздельно господствующей до сих пор национальной идеи и к зарождению европейского интеграционного процесса. Этому развитию старый континент обязан самым долгим за всю свою историю периодом мирного сосуществования, за исключением югославской трагедии.

Европейские процессы интеграции к началу горбачевской перестройки охватили и Россию. Часть российской элиты поддерживала идею возвращения страны в Европу. И было бы ошибкой считать данное стремление «романтическими грезами», как это кое-где принято, потому что оно имело вполне конкретные политические последствия. Политическое чудо мирных революций 1989 года, ликвидация европейского раскола и объединение Германии были бы невозможными без подобных устремлений, а также без отказа реформаторского крыла команды Горбачева от брежневской доктрины ограниченного суверенитета восточноевропейских стран, которая противоречила идее «общего европейского дома».

Тем временем эйфория 1989-1991-ых миновала. Изоляционистские силы, которые ставят под вопрос европейский характер России, усиливаются как в самой России, так и на Западе. Российские «европейцы», которым континент во многом обязан мирным преодолением десятилетиями длящегося раскола, вынуждены лишь обороняться, и кажется, что они окончательно проиграли борьбу с радикальными противниками Запада. Это положение дел подтверждается почти единодушной поддержкой антизападного конфронтационного курса кремлевского дуумвирата большей частью российской общественности, особенно после начала русско-грузинской войны. Но несмотря на это, российские сторонники национального эгоизма в постнациональную эпоху, начавшуюся в Европе с 1945 года, все же придерживаются анахронистических позиций, а сопротивление духу времени, как показывает история, редко венчается успехом. Поэтому не исключено, что Россия, которая все еще связана бесчисленными каналами с Западом, рано или поздно все же вернется к прерванному в путинскую эру процессу своего «возвращения в Европу».

Перевод с немецкого: Елена Сивуда